

# «Задача уничтожить «Эхо Москвы» как самостоятельную станцию не изменилась»

*Интервью Алексея Венедиктова – Илье Азару*

## «Деньги растут на деревьях»

– Что у вас происходит с деньгами? В телеграм-канале Mash писали, что все плохо.

– В 2014 году господин [экс-глава «Газпром-Медиа» Михаил] Лесин и господин [первый замглавы администрации президента РФ Алексей] Громов назначили нам нового генерального директора [Екатерину Павлову], снеся старого. Когда мы Лесина сняли, то через три дня я с ним встретился, и он мне сказал: «Я не сумел тебя скovyрнуть политически, мне начальник не дал, но я тебя уничтожу экономически». Мы, собственно говоря, до сих пор имеем назначенного Лесиным генерального директора.

Поэтому в известной степени я благодарен и Mash, и депутату от ЛДПР [Александр Старовойтову], который направил запрос [в налоговую]. Ведь я миноритарный акционер, который контролирует треть [акций], я член совета директоров, я главный редактор, но я не знал этих цифр.



Фото: Влад Докшин / «Новая газета»

– **Цифр убытка?**

– Если они точные, конечно. Мне же цифры не присылают, даже несмотря на мое требование. Я не знаю ни исполнение бюджета 2016 года, ни бюджет 2017 года. Мне говорят, что это не мое дело, что это дело генерального директора. Но если мы памятуем о том, что говорил господин Лесин в декабре 14-го, то [цифры] меня не удивляют.

– **То есть вы хотите сказать, что за неделю так ничего и не узнали?**

– Нет.

– **Вы не хотели или у вас не получилось?**

– У меня не получилось. Я встречался с некоторыми членами совета директоров из «Газпром-Медиа» (владелец «Эха Москвы». – «Новая»), но мне было сказано, что есть генеральный директор. Хотя его назначил, как я понимаю, господин Громов.

– **А вы с Павловой не общаетесь, что ли?**

– Она мне не отвечает на письма. Что я могу сделать?

– **А телефон?**

– Нет, ну я пишу официальный запрос. Я член совета директоров, я миноритарный акционер, но мне не отвечают на письма. Мне по телефону цифры не нужны, мне нужен документ. Значит, налоговая проверка найдет этот документ и предоставит его.

– **Вы же известный мастер переговоров.**

– Послушайте меня. Когда пришел господин Лесин, была задача уничтожить «Эхо Москвы» как самостоятельную станцию с самостоятельной редакционной политикой. Задача не изменилась.

– **То есть ваш генеральный директор сама уничтожает компанию?**

– Я об этом узнал из «Лайфа».

– **Там пишут, что у «Эха» убыток в 41 миллион рублей в прошлом году.**

– Еще раз. Я ничего не могу сказать, у меня нет цифр.

– **А как же вы живете-то? Вы же должны понимать...**

– Насколько я знаю, и бюджет на 2017 год не утвержден. Что значит, как я живу? Я миноритарий. Так я и живу.

– **Я имею в виду как главный редактор.**

– Зарплата пока выплачивается без опоздания. Убытки – это же не вопрос главного редактора. Я расходная часть бюджета как главный редактор. Я не занимаюсь доходами, я не занимаюсь рекламной политикой. И не занимался никогда. Деньги растут на деревьях, как известно. Для меня как для главного редактора.

– **Но вы же должны интересоваться. Может, завтра все закончится.**

– Почему вам это удивительно? Это, повторяю, три года длится.

Специально поставленный человек.

**– Ну хорошо. А перед этим было все нормально?**

– А перед этим мы выплатили дивиденды, на это есть все бумаги. У нас 2013 и 2014 годы были в плюсе. Это точно. И тогда генеральный директор допускал меня до всех цифр.

Мне сейчас совет директоров запретил говорить. У меня все документы, которые есть, которые не имеют отношения к деньгам, – конфиденциально, для внутреннего пользования, чего раньше не было.

**– Слушайте, если вам три года назад назначили вражеского гендиректора...**

– Почему вражеского? Для акционеров – дружеского. Генерального директора, с которым мы не совпадаем в понимании развития «Эха Москвы». Но это право акционеров...

**– Вы же, наверное, как-то должны были попытаться.**

– Я попытался. В результате, как вы знаете, этот год начался с того, что мы вынуждены были американского акционера увести под ноль. Все были удивлены, включая высшую власть, потому что по закону [у иностранного акционера] не больше 20% должно было быть. Мы сделали 19,92%. И тогда, видимо, чтобы мы не имели американской юрисдикции в случае конфликта, нам и – внимание! – только нам протолковали закон так, что должен быть ноль. Мы сделали ноль.

**– Но вы же понимали, что будете сидеть на пороховой бочке...**

– Мы сидим на пороховой бочке 27 лет. Это работа такая. Напомню, что когда нам был один месяц, президент Горбачев сказал: «Что это за вражеская станция под стенами Кремля говорит о том, что солдаты направляются к Москве?»

Это работа такая – сидеть на пороховой бочке. Ну что делать? Других бочек нет.

**– Но Лесин поджег фитиль, можно сказать, а вы не видите этот**

**фитиль, не видите, насколько он близок к бочке.**

– Да, потому что так функционирует система. Что я могу сделать по этому поводу? Я могу продолжать свою редакционную политику, как я ее понимаю. Я ее продолжаю, и она не меняется.

**– Хорошо. Если вы до 2014 года были в плюсе и ничего не изменилось в работе радиостанции, то откуда долг?**

– Спросите у генерального директора.

**– Но вы же можете предположить?**

– Могу вам сказать, что фонд заработной платы не вырос.

**– В статье Mash еще написано про какие-то премии.**

– Может, в администрации они есть. Редакция и журналисты «Эха Москвы» премий не получают.

**– Чему, наверное, они не очень рады.**

– Не очень рады, но денег нет, и мы это понимаем. И они это понимают. Я, например, вынужден был разрешить сотрудникам работать параллельно на другие медиа, что раньше было запрещено. У нас нет серой кассы и не было, у нас все в белую. Есть неплохая инфляция с 2014 года, но я ничего не могу сделать. Я себе сократил зарплату на треть – все, что я могу. Это демонстративный жест, конечно.

**– Перед этим еще был наезд на вас со стороны Мосгоризбиркома.**

– Несколько наездов было, причем запрос в Мосгоризбирком от депутата КПРФ был по поводу того, что тому избиратель сказал, что якобы на «Эхе Москвы» было нарушение в День тишины. Якобы! Затем выходит председатель Мосгоризбиркома и говорит: «Там было нарушение». Хотя разбора еще не было, и у меня не запрашивали ни расшифровки эфиров, ни мое мнение по этому поводу.

Это наезд, совершенно верно. Еще нам тогда же Роскомнадзор

прислал письмо про 4 нарушения на сайте. Мы еще об этом не говорили.

**– Сейчас?**

– Да, сейчас. Члены совета директоров «Газпром-Медиа» впервые со мной согласились, некоторые из них, что все как-то одновременно посыпалось.

**– Они вообще на вашей стороне?**

– Они на своей стороне, я думаю. Мы же понимаем, что они акционеры поневоле. Мы – такой чемодан без ручки, нести неудобно, а бросить нельзя.

**– Вас могут уволить?**

– Меня могут уволить в три дня без объяснения причин, разорвать контракт. Но это должен делать совет директоров.

**– А зачем тогда у вас проходят выборы главного редактора?**

– Если меня увольняют, то автоматически в соответствии с уставом один из моих первых заместителей становится исполняющим обязанности главного редактора и объявляет выборы.

**– Мне казалось, что выборы – это защита от увольнения.**

– Нет, нет. Это защита от назначения. Весь смысл в том, что если журналисты избрали главного редактора, а акционеры согласились, то уволить акционеры его могут в соответствии с законом «Об акционерных обществах», а назначить [другого] не могут. Поэтому Лесин говорил: «Я тебя уволю, но что я буду делать с твоими сумасшедшими первыми замами?»

**– Их же тоже уволить можно.**

– Невозможно, они и.о. А в год после выборов или в год перед выборами вообще журналиста уволить невозможно. А у нас выборы каждый год.

**– А вас можно?**

– Меня можно как главного редактора, но я еще веду передачу, поэтому как журналиста меня с «Эха» уволить нельзя, ведь я освещал в передаче выборы.

### **«Осталось три СМИ, которые не контролируются Кремлем»**

**– В последнее время зачистка СМИ, которой давно пугали, все-таки произошла.**

– Да. Год тому назад я говорил, что перед новыми выборами общий тренд будет на зачистку СМИ. Помешал, конечно, интернет, в который они внезапно бросились год назад с головой, потому что увидели там угрозу. Но и про нас, маленьких, про традиционные СМИ, не забывали.

Что происходит с «Ведомостями», где издатель, хоть и неформальный, лишен гражданства? Это вообще что? Про РБК, «Газету.ru», Lenta.ru даже не хочу говорить. Про «Коммерсантъ» давно понятно, что у Алишера Бурхановича [Усманова] есть обязательства.

Что у нас осталось из традиционных СМИ? «Дождь» и «Новая газета». Независимые от Кремля традиционные медиа дожимают, это правда. Но это не меняет нашу традиционную редакционную политику.

**– То есть осталось три СМИ?**

– Которые не контролируются напрямую Кремлем? Да.

**– А к выборам и они будут контролироваться?**

– К выборам – посмотрим. Это вопрос не только конкретно этих выборов, это вопрос вообще зачистки пейзажа в преддверии всяких сложностей.

**– Но у вас же есть друзья влиятельные, они-то что вам говорят?**

– Общая ситуация ухудшения вокруг страны неизбежно приводит к тому, что люди занимают оборонительную позицию. Те, которые нормальные. А те, которые не совсем нормальные, переходят из оборонительной позиции в агрессивную. И их все больше.

Синдром «осажденной крепости» и синдром «пятой колонны» существуют реально. Те люди, которые еще 4 года назад посмеивались над такой конструкцией, сейчас являются частью этой конструкции.

С другой стороны, конечно, сильно напрягает эффект наваляного, с маленькой буквы, потому что там теперь не только Навальный, но и Удальцов. В политической зоне возникли неконтролируемые лидеры с неконтролируемыми стратами внутри аудитории.

Режим Путина всегда позиционировал себя как режим умеренный, хоть и с уклоном в консерватизм и империализм. И вдруг у вас радикалы вокруг Наваляного, радикалы вокруг условного Удальцова, мракобесные радикалы вокруг условной Поклонской. То есть появились шипы, и от этого тоже возникает нервная почва, как говорила моя бабушка.

– **«Эхо Москвы» всегда называли громоотводом.**

– Так говорили они, а не мы. Нам все равно, как нас воспринимают.

– **То есть вас не тронут.**

– Я себе очень хорошо представляю, когда к Владимиру Владимировичу войдут люди с папочкой, и он скажет: «Надоели». И всё. Тогда можно меня уволить, можно радио обанкротить. И генеральный директор-то найдет себе другое место, не волнуйтесь.

**«Мне интересно носить кардинальскую шапку»**

– **«Эхо Москвы» стало фактически единственным СМИ, которое активно освещало муниципальные выборы.**



– Абсолютно. Мы единственное СМИ, которое освещало, и только нам и предъявили: мол, какого хрена освещали. Наша работа – освещать. Я тупой, у меня работа такая – ваше говно вывозить.

**– Я так понимаю, что освещение это было за деньги?**

– Были, конечно, выкуплены контракты, и генеральный директор хвалилась, что заключила их. Но были люди, которые в своих передачах говорили про выборы, потому что считали, что эти выборы важные. Пархоменко, Латынина, Шульман – какие деньги?

**– Такие рекламные контракты через вас идут?**

– Нет. Кац пришел ко мне, а я его отправил к Павловой, потому что я деньгами не занимаюсь. Заработало «Эхо» честно. Пришли жириновцы – и такой же контракт с ними заключили. С КПРФ или «Единой Россией» было бы так же.

**– А что, как вы думаете, произошло вообще на муниципальных выборах?**

– Для меня произошла одна очень важная вещь: результаты выборов показали, что у Навального нет ключа от ядерного чемоданчика оппозиции, и без его поддержки демократы могут избраться во власть.

**– Это единственный вывод?**

– Это самый главный вывод. А что, собственно, остальное? Пришли молодые, порвали тех, кто не захотел прийти, и избралась. Так это же отлично. Это те же самые 27% Навального [на выборах мэра в 2013 году], грубо говоря. Или 20% процентов Прохорова. Эти люди были всегда, просто их надо было мобилизовать.

Совершенно понятно, что политически и технологически Гудкову и Кацу, удалось мобилизовать небольшую часть московского электората и перебить с помощью технологий современных старые технологии. Но это не удивительно, ведь если люди хорошо работают, они имеют большие шансы выиграть.

**– Мне даже показалось, что там, где «Единая Россия» проиграла, она чуть ли не в поддавки играла. Например, в Хамовниках у нее не было никакой агитации.**

– Нет, никакой игры в поддавки не было. Это было решение тех людей в мэрии, которые так решили проводить кампанию. Было сделано все, чтобы не было явки, так как была уверенность в том, что партия власти с помощью административного ресурса приведет тех, кто обычно приходит, а оппозиция не сумеет мобилизоваться. Они проиграли на этом.

**– Кстати, если вы внимательно посмотрели итоги выборов, «Единая Россия» же на самом деле даже выиграла.**

– Нет, они не выиграли. Статистика – это лукавая цифра.

**– Но раньше у коммунистов было достаточно депутатов, чтобы выдвинуть своего мэра, а теперь никто, кроме «Единой России», сделать этого не может.**

– Даже смешно говорить. Если уж Навальному дали [подписи в 2013 году], то коммунистам точно дадут. Даже вопроса нет. Все парламентские партии выдвинут кандидатов в мэры, даже не волнуйтесь за них вообще. Вообще коммунисты, ЛДПР и справороссы в Москве – это крылья одной партии. 200 коммунистов или 40 коммунистов – это не важно, ведь все партии поддерживают Путина и Собянина.

**– Но есть версия, что эта победа демократов вернет веру избирателя к политическому процессу и придаст легитимность президентским выборам. И теперь уверовавшие в демократию люди снова пойдут голосовать за условного Явлинского.**

– Я не разделяю теорию легитимности. Владимиру Владимировичу Путину не нужны никакие подтверждения своей легитимности. Все эти слова как раз идут от тех, кто не хочет ходить на выборы. Даже получив 25% голосов населения, Путин – легитимный президент, а Собянин – легитимный мэр. И эти разговоры про легитимность – в пользу бедных. Вот в Свердловской области не

зарегистрировали абсолютно незаконно Ройзмана, он вместе с Навальным объявил бойкот, но губернатор Куйвашев спокойно избрался – и что? То же самое здесь.

А то, что во главе нескольких собраний встали представители оппозиции, это важно. Вот депутаты Басманного округа собираются делать запрос по поводу установки бюста Сталина на их территории. Они могут затребовать документы, посмотреть, почему на арендованной земле поставлен бюст Сталина. Вот вам, пожалуйста.

**– А что думаете про Собчак, которая якобы на выборы президента пойдет?**

– Она имеет право? Имеет. Пусть идет. Давайте вспомним, что господин Навальный не смог бы быть зарегистрирован кандидатом в мэры в 2013 году, если бы «Единая Россия» ему не дала голоса. И кто-то посмел назвать его спойлером, кто-то посмел говорить о его сговоре с Собяниным, или с Путиным, или с Володиным? Да нет, конечно. Он этим воспользовался, был абсолютно прав.

Это дало возможность показать, что в Москве 27% голосуют не так, как большинство. Отличный был эксперимент. И пусть идут все. Я за то, чтобы Навального, Собчак, Явлинского зарегистрировали – всех, кто захочет. Я вообще противник муниципального фильтра.

**– А вы сами не хотите пойти?**

– А я не занимаюсь политикой в том смысле, в каком это имеется в виду. Мне это неинтересно. Политика – командная игра, политика – игра компромиссов. А здесь я первое лицо. Я хочу променять свое первое лицо на 147-е? Нет, конечно. Даже в команде правящих.

**– Почему?**

– Я на седьмом десятке. Мне интересно другое. Мне интересно

носить кардинальскую шапку.

– Серую?

– Конечно. А не корону.

– Но это же игра. Вы же не являетесь никаким серым кардиналом.

– Не являюсь, конечно. Я вообще кардиналом не являюсь. Я маленькое провинциальное радио, как известно (улыбается).

### **«Мы просрали СММ»**

– Вы недавно назначили отдельного главреда по соцсетям. Работа уже началась?

– Мы не можем найти людей. Это совершенно новая среда.

– Эсэмэмщиков не можете найти?

– Эсэмэмщики у нас есть. Прежде всего нужны стратеги, нужны помощники, которые соображают, как двигаться. Для меня примером является Washington Post, где начала расти бумага. Я хочу понять, как найти стратегов, которые понимают, как будут развиваться соцсети, а их нет.

Параллельно я занимаюсь бумагой, я занимаюсь журналом «Дилетант», у которого продажи растут на две-три тысячи экземпляров каждый месяц. Сейчас он составляет 65 тысяч, из которых 42 мы продаем через киоски. Я понимаю, как двигаться, я понимаю, как зайти в «Ашан», как зайти в «Пятерочку», я понимаю, в какие киоски надо давать 20 экземпляров, а в какие один.

### **«За «Дилетант» мне чаще прилетает, чем за «Эхо». Алексей Венедиктов – о первом популярном русском журнале по истории**

– Вы лично этим занимаетесь?

– Я занимаюсь этим лично, конечно. Это новый проект, я молодой

издатель. Я его взял два года назад, когда Сергей Зверев отказался его финансировать и перезапустил. В первом году вернулось 30% в деньгах, в этом году за 8 месяцев уже 95% от вложенных. Мне интересно войти в неизвестную зону. Через год я точно выйду на прибыль.

**– Тогда вам и «Эхо Москвы» не нужно.**

– Мне «Эхо Москвы» нужно, конечно, но мой бизнес – это «Дилетант». Но возвращаясь к соцсетям, надо сказать, что все развивается настолько быстро, что мы их просрали, безусловно. Я имею в виду «Эхо».

**– Вот я и хотел спросить, не поздно ли вы задумались о соцсетях.**

– Мы поздно задумались, потому что я не считал YouTube какой-то отдельной историей. Твиттером мы занимались, у «Эха» миллион 300 тысяч фолловеров, 257 тысяч в Фейсбуке. Но YouTube мы просрали. И вот сейчас это надо понять, разобраться в том, что делает Дудь и компания, разобраться, почему у них миллионники. Не только потому, что они матом могут, так я тоже могу.

Я сейчас пытаюсь анатомировать, что в видео происходит и куда мы должны двигаться. Это же не просто эфиры транслировать.

**– Просто это молодежная аудитория, которая к вам не придет.**

– Это не так. Это была молодежная история до Дудя. Но не просто так Дудь ушел брать интервью у Навального и Ходорковского. Какой молодежи интересен Ходорковский? Вы о чем? А он уходит туда и правильно делает.

**– Это просто диверсификация. В основном у него рэперы и шоу-бизнес.**

– Это же не количеством берется. Я вам приведу пример про телеграм. Меня очень долго уговаривали вести канал, ведь у меня есть блог на сайте, где ежедневно 600 тысяч уникалов. Но

меня наши стратеги уговорили, и у меня всего 32 тысячи подписчиков в канале.

Но мы сделали эксперимент: разместили мое эссе и в телеграме, и на сайте. На сайте – 100 тысяч, в телеграме – 27 тысяч просмотров, но на телеграм сослались 17 СМИ, а на сайт – ни одного. Вот стратегическая история. Давайте это исследовать.

Мы только в начале пути. Это все в движении. Мы находимся в стадии турбулентности в развитии медиа. Говорят, делать подкасты, а у нас же все радио – подкасты.

Я в переписке с Пашей Дуровым, мы общаемся. Я не понимаю, и мне это очень интересно. Мне всегда интересно то, что я не понимаю. Телеграм-каналы, мессенджеры – давайте там побарахтаемся, побултыхаемся. Это мне интересно. А чего мне в политике интересно? Я все знаю. Я не все знаю по решениям, но представляю конструкцию, как это движется. Вы можете проверить, что я говорил год назад, что я говорил три года назад, – вот оно [все случилось].

**– Вы «Сетевизор» давно запускали, но тренд не поймали.**

– Не поймали. Лично моя ответственность, конечно, я упустил. Я не упустил Твиттер, поскольку я сам в Твиттере и в Инстаграме, меня больше нигде нет, поэтому это я двигал. А то, что я не понимал, я не двигал. И это ошибка. Я не фейсбучный. Сейчас все пошли – «Одноклассники», «ВКонтакте», Фейсбук. Мы всюду сейчас. Мы начинаем расширяться. Поздно. Вдогонку. Мессенджеры. А что еще будет? Не знаю. Вот я сижу, кручусь на кресле и смотрю. Поэтому мне и нужна третья редакция. Я уже не успеваю. Поэтому нужен третий главный, 30-летний, который с ума сходит по всем этим делам.

**– Аудитория у «Эха Москвы» вообще падает?**

– Аудитория закончила падать, я бы сказал. Она сначала упала из-за Украины, когда процентов 10–15 аудитории ушло, так же как с National Public Radio во время войны в Ираке ушло. Потом она еще продолжала падать, но начала расти аудитория соцсетей.

Люди просто хотят слушать здесь, а не там. Люди не слушают радио, они слушают подкасты на сайте. Люди не хотят читать сайт, им достаточно нашего Фейсбука или Твиттера. На самом деле никакой катастрофы я здесь не вижу, я плюсую. Все равно мы в первой десятке из радиостанций Москвы, а по цитируемости мы стоим на первых трех местах. Я не вижу здесь больших проблем.

### **«Я могу доносить до Путина и доношу»**

**– А что говорят в Кремле про все эти нападения последние на политиков, культурных деятелей, журналистов?**

– Все понимают, что это уже зашло за рамки. Депутата «Единой России» где-то в Краснодаре облили зеленкой. История с Учителем, где кидали все эти штуки, сжигали машины. Я думаю, что это сильно подтолкнуло Следственный комитет и МВД этим заняться. Завтра на «Единую Россию» будут нападать, а послезавтра дохлую кошку бросят в окно проезжающего [президентского] кортежа.

Но конкретно по Навальному ничего искать не будут, а по журналистам будут. Это все очень опасно. Но для меня самая опасная история – это не про Навального, а про русский язык в национальных республиках. Российская империя развалилась ровно поэтому, ведь все национальные окраины поддержали сначала Февраль, потом Октябрь.

**– Как и Советский Союз.**

– Совершенно справедливо. Они все в августе 91-го года стали заявлять о суверенитете. Это в третий раз. Я думаю, что это большая ошибка.

**– Мне кажется, рано об этом думать.**

– Нет, это не рано. Это то, что делает Порошенко сейчас. После того как Порошенко подписал закон о языке, про Донбасс можно забыть. Люди будут говорить: «Наши дети не будут обучаться на

родном языке? Да хоть в Украине живите, хоть в Канаде, но это наш родной язык» Это то, что сейчас происходит в наших республиках, один к одному. Кто у кого это свистнул – Путин у Порошенко или Порошенко у Путина – это другой вопрос.

**– Ну так донесите про это наверх.**

– Да, могу доносить и доношу. К сожалению, с того момента, как Путин подписал поручение, у меня не было ни одной встречи с людьми, которые могли бы ему это сказать. Надеюсь, с ним самим в октябре будет встреча. Я донесу. Я это говорю в эфире, и я знаю, что докладывают, но нужна личная встреча или публичная дискуссия.

**– А это вообще работало когда-нибудь?**

– Да, конечно, много раз.

**– Например?**

– Я не буду говорить. Много раз.

**– Например, по Белых вы же наверняка что-то ему передавали?**

– Белых – это другое. Это не политическое для него решение, он считает, что там суд должен решать. Это процедурная вещь. А то, что с языком, – это не процедурная вещь.

Когда главные редактора с ним встречались последний раз, то стали говорить о том, что не понимают, Россия религиозное государство или светское. Он сказал: «У нас светское государство». Я тогда ему сказал: «Владимир Владимирович, вы скажите где-нибудь это». И вы вспомните, он сказал это на прямой линии, и очень многих людей это окоротило. То, что он говорит, это окорачивает, это очень правильное решение. Он взвешивает.

**– А про Кадырова вы ему не говорили?**

– Говорили ему. Про Кадырова не я ему говорил, другие люди ему



говорили. Я знаю, что он говорит, что это цена мира на Кавказе.

**– Но это такая цена мира, которая может привести к войне.**

– Это другой вопрос. Он всегда, сколько мы говорили с ним на эту тему, говорил, что Рамзан удерживает Кавказ от исламизма.

То есть у граждан должен быть диалог с властью. Мы пытаемся его вести через радио. Ничего такого особенного на встречах не говорим, чего мы не говорим по радио. Моя позиция известна заранее по тем или иным вопросам. Но когда у тебя возникает диалог, возникает аргументация, контраргументация. Мне кажется, очень важно с этим говорить с людьми, принимающими решения. Не только с президентом.

**– Это все как-то унизительно, как-то рассказать, услышит – не услышит.**

– Ничего унизительного нет. Я дискутирую как в эфире, так и за эфиром. Ничего нового нет. Да, дополнительный ресурс есть. Да, я главный редактор, ко мне приходят сюда люди. Я могу и не встречаться. Ему кладут и так распечатки и мои, и Доренко, и Соловьева, наверное. Но я точно понимаю, что я могу.

Мы, журналисты, вынуждены вести диалог и с гражданским обществом, и с властью, и быть, извините, посредниками, если другой темы нет. Но это во всем мире так. Посмотрите, что Трамп делает с журналистами американскими. Вот если бы Путин мне это сказал, мало бы не показалось. Понимаете? Это невозможно проглотить.

Я удивляюсь на коллег американских, как у них хватает силы вот это все выслушивать, читать. Президент тебя – в говно. Вот как?

Я-то это прошел дважды публично, я человек закаленный. Но я единственный в российской журналистике, которому президент дважды публично вставлял.

**– Гордитесь этим, похоже.**

– Я не горжусь этим, я готов к этому. Но я не считаю это нормальным. С другой стороны, если ты критикуешь президента, он может критиковать тебя. А как? То есть любой слушатель может, а президент не может? Если нет последствий после этого. У меня нет последствий, не было последствий, во всяком случае.

**– Уже, похоже, есть.**

– А здесь я ничего не могу. Я могу только продолжать делать так, как я делаю. Редакционная политика выработана Корзуном, а не мной. Я лишь наследник.

